

УДК 94(470.6)''1921/1929'':332(045)

*Ю.А. Яхутль***НЭПОВСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПРОБЛЕМАХ (НА ПРИМЕРЕ КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЧЬИХ ХОЗЯЙСТВ ЮГА РОССИИ)**

Статья посвящена новой экономической политике (1921–1929 гг.) в контексте прерванной рыночной модернизации в истории России и перехода к государственной-плановой модернизации (конец 1920-х — 1950-е гг.). Определяющим фактором в системе реформ 1920-х гг. стал уровень развития рыночных отношений в аграрном секторе нэповской экономики, который во многом определялся степенью активности государства и крестьянско-казачьих хозяйств, способных реализовать продовольственную, земельную и налоговую политику. Одним из условий успешного завершения начатых реформ было создание социальной базы — поддержка реформ со стороны политических союзников в городе и деревне. Следует отметить, что реформы 1920-х гг. имели региональные особенности. Так, новая экономическая политика на Юге России приобрела черты, обусловленные особыми формами землепользования, сословными отношениями, скрытой политикой «расказачивания» со стороны большевиков. К середине 1920-х гг. сельское хозяйство как основная отрасль российской экономики, исчерпав свой восстановительный потенциал, не имело возможностей самостоятельно развиваться без финансово-организационной помощи государства, при этом оставаясь основным источником социалистического накопления. Формирование новых экономических отношений в рамках реформ 1921–1929 гг. стало очередной попыткой модернизации в истории России, в т. ч., модернизации аграрного сектора экономики, которые были принудительно завершены правящей партией посредством сплошной коллективизации.

Ключевые слова: революция, НЭП, модернизация, крестьянско-казачье хозяйство, правящая партия, большевики, Советы.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-43-55

Актуальность темы статьи состоит в том, что НЭП в определённой мере стала основой для формирования гражданского согласия в российском обществе, т. к. содержала элементы экономического компромисса. Остаётся дискуссионным соотношение возможностей НЭПа в восстановлении рыночной экономики и в модернизации народного хозяйства страны. Вопросы переходного периода остаются актуальными для России, находящейся в активной фазе реформ, т. к. важно знать и уметь использовать опыт прошлого.

Исследователи традиционно делят историографию НЭПа на четыре этапа: 1920-е гг.; 1930-е — первая половина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х — 1980-е гг.; постсоветский период. На первом этапе преобладали публицистические оценки НЭПа в брошюрах партийных и государственных руководителей, не являвшихся в строгом смысле научными работами [19; 2]. Исключение составляли немногие работы, выполненные экономистами и статистиками [23]. В них допускалось обсуждение альтернативных вариантов развития советской экономики. В 1930-е — середине 1950-х гг., напротив, внимание историков к НЭПу резко сократилось. Экономические процессы 1920-х гг. стали расцениваться догматически, в строгом следовании сталинским оценкам. НЭП предвзято ограничивалась периодом 1921–1925 гг. Это характерно для исторических очерков А. А. Матюгина и Д. А. Чугаева [21]. Определённые позитивные сдвиги происходили в исследованиях середины 1950–1960-х гг. Начались дискуссии о соотношении восстановительных и реконструктивных задач НЭПа, о соотношении социально-экономических укладов (работы Э. Б. Генкиной [9], В. П. Данилова [11], Ю. А. Полякова [25]). В период 1970–1987 гг. идеологические условия работы историков вновь ужесточились, но продолжали издаваться теоретические исследования НЭПа (монографии И. И. Каторгина [16], Э. Д. Осколковой [27]). Современный этап исследований начинается в 1988 г. В историографии представлен большой спектр мнений о причинах, ходе и последствиях реформ 1921–1929 гг. Одни авторы отмечают успехи и достижения новой экономической политики, позволившей России преодолеть глубокий экономический и политический кризис начала 1920-х гг., обеспечить переход от капитализма к основам социалистических преобразований, а другие указывают на недостатки реформ и цикличность кризисов НЭПа [44, с. 62]. Возросло число работ, посвящённых южнороссийской станции времени НЭПа, авторы которых анализируют социально-экономические и политические аспекты реформ 1920-х гг. Исследователи активно изучают спорные вопросы истории Юга периода НЭПа, в частно-

сти, взаимоотношения между казачеством и большевиками, политику «лицом к деревне», восприятие НЭПа в общественном мнении и др. Анализируются проблемы создания социальной базы модернизации, выбора стратегии партийно-государственной экономической политики [3; 7; 10; 12; 15–17; 24; 30; 31]. Социальная, экономическая и политическая истории 1920-х гг. остаётся одной из сложных в контексте изучения экономики переходного периода, но интерес исследователей к теме не ослабевает, оставаясь одной из приоритетных в постсоветской историографии. Обращение исследователей к опыту НЭПа с момента её реализации по сегодняшний день является показателем актуальности проблемы [1, с. 54; 6, с. 24]. Мы признаём ещё одно достижение постсоветского периода — отсутствие идеологических ограничений.

В основу нашего исследования положены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы.

Открытость фондов российских архивов позволяет использовать их для объективной оценки процессов реформ, в т. ч. особенностей их реализации на региональном уровне. Источниковую базу исследования составили фонды Российского государственного архива социально-политической истории, Центра документации новейшей истории Краснодарского края, опубликованные документы (законодательные акты и сборники документов), статистические издания. Архивные документы содержат много разночтений, но возможность сопоставлять информацию из различных источников формирует системное понимание событий. Следует отметить региональные архивные фонды, в которых представлена разнообразная достоверная информация. В научный оборот введены ранее неиспользованные архивные материалы, раскрыты основные причины прекращения рыночной модернизации и перехода к государственно-плановой экономике, обосновано положение о слабости экономических и финансовых возможностей рыночной модернизации в аграрном секторе, которая не могла развиваться без государственной поддержки.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. было принято принципиальное решение о смене экономической модели — замене продовольственной развёрстки продовольственным налогом, положившей начало новой экономической политике как средству восстановления экономики, разрушенной войнами 1914–1922 гг. Российская многоукладная экономика характеризовалась к началу 1920-х гг. противоречивым сочетанием пяти социально-экономических укладов: натурального, мелкотоварного, частнокапиталистического, государственно-капиталистического и социалистического [18, с. 10–12]. Формы взаимодействий между укладами оставались в основном рыночными. При этом на уровне различных регионов России соотношение данных укладов было различным. Юг России, включавший в себя аграрные территории Дона, Кубано-Черноморья, Ставрополя и Терека, имел большое значение для Советского государства в качестве одной из зерновых баз страны. При этом социалистический уклад охватывал на Юге в основном крупные промышленные предприятия в городских агломерациях (Донбасс, Ростов-на-Дону и Таганрог, Грозный), а рабочий класс сохранял черты взаимосвязей с индивидуальным крестьянством, многие рабочие трудились в промышленности только сезонно. В многоукладной экономике преобладающее положение сохраняли крестьянские индивидуальные хозяйства, поскольку сельское население превышало 82 % жителей СССР. Такие хозяйства через кооперирование должны были обеспечить рост накоплений в аграрном секторе и стать определяющим фактором успеха реформ НЭПа. Политической основой преобразований должны были стать Советы как органы государственной власти, консолидирующие сторонников большевиков. В этой обстановке, по мнению В. И. Ленина, мелкотоварное производство не представляло большой угрозы социалистическим преобразованиям [19, с. 370].

В марте 1921 г. продразвёрстка была заменена продналогом, который основывался на принципе прогрессивного налогообложения. Классовый подход к начатым реформам оставался определяющим, т. к. от уплаты (взноса) натурального продовольственного налога освобождалась большая часть беднейших крестьянских и казачьих хозяйств. Продналог был значительно меньше, чем продразвёрстка, но при тех условиях, в которых находилась экономика страны и крестьянско-казачье индивидуальное хозяйство, точно учесть их экономический потенциал было невозможно.

Перспектива свободно распоряжаться результатами своего труда определяла отношение крестьян и казаков к реформам. Это должно было способствовать восстановлению и развитию крестьянско-казачьих хозяйств, ликвидации последствий «социализации» земли. Определяющим событием для крестьян и казаков в системе реформ стало принятие 30 октября 1922 г. Земельного кодекса РСФСР, который, несмотря на требования крестьян о собственности на землю, утверждал их статус не как собственников, а лишь как землепользователей. Таким образом, подрывалось чувство хозяина земли [13, с. 62].

Новая экономическая политика существовала не столь продолжительный период, чтобы полностью перестроить всю систему хозяйства и управления страны. Но, вместе с тем, НЭП доказал свою экономическую эффективность при наличии кризисов, которые преследовали реформы весь период 1920-х гг. Мы рассматриваем НЭП как вынужденную меру, решившую социальные и экономические проблемы начала советизации российского общества, обеспечившую сохранение власти большевиков, сочетающую во внутренней политике элементы рынка, администрирования, компромисса (курс «Лицом к деревне»). Период 1920-х гг. является показательным в аспекте взаимосвязи реализуемых государством экономических и политических мер и показателей многоукладной экономики. Реализация реформ на региональном уровне демонстрировала закономерности, присущие взаимоотношениям политики и экономики [14, с. 3].

Аграрная политика большевиков изначально была направлена на огосударствление сельского хозяйства и разрешение социального неравенства в деревне. Это привело к уничтожению крупных помещичьих хозяйств и снижению товарности сельского хозяйства. Агрессивная политика РКП(б) в отношении зажиточных слоёв крестьян и казаков повлекла снижение производительности хозяйств, что отрицательно сказалось на состоянии зернового рынка страны. Решающим фактором стало уничтожение крупных земельных владений и их раздел, который дал каждой крестьянской семье до 2 га земли. Бедным безземельным крестьянам (12 % в 1913 г. и 3 % в 1926 г.) достался чисто символический пай земли, а зажиточной части российской деревни в 1918–1920 гг. пришлось утратить часть земель [5, с. 112].

Признавая, что политика «военного коммунизма» смогла сохранить единое экономическое пространство и государственную целостность, следует согласиться с С. А. Павлюченковым, который определил задачи и значение НЭПа для Советской России в начале 1920-х гг. Он считал, что задачи реформирования экономики на социалистический лад разошлись с необходимостью выхода экономики России из кризиса, что стало причиной возврата к рыночным отношениям. Таким образом, НЭП не только раскрепостила в сравнении с политикой «военного коммунизма» крестьянство как наиболее многочисленный слой населения, но и возродила знакомые методы хозяйствования. Государство легализовало свои претензии на часть дохода крестьян в форме обязательных налоговых платежей (натуральных, а впоследствии и в денежной форме). Демонстрацию властных полномочий большевики реализовывали посредством военной силы и усиления административно-репрессивного аппарата. Их активное использование способствовало формированию административно-командной системы и установлению политического диктата РКП(б). Политическая монополия большевиков, идеологическая диктатура позволили правящей элите удержать власть и сохранить контроль над партией [29, с. 5]. Это дало возможность сформировать социальную базу реформ.

Политика «военного коммунизма» и последствия Первой мировой войны довели российское крестьянство до полного разорения, а НЭП позволила снять социальную напряжённость, восстановить основные показатели экономики и создать определённые условия для развития. Но бедняцкие слои воспринимали новый курс (1924–1926 гг.) как предательство идеалов большевиков [7, с. 90]. В ходе реформ 1920-х гг. зажиточная часть крестьян и казаков вспоминала период «военного коммунизма» как время власти беднейших слоёв крестьянско-казачьих масс, активно проводивших насильственную реквизицию продовольствия. Новый этап реформ рассматривался как возвращение зажиточным земледельцам властных полномочий и как проявление слабости советской власти. Наиболее ярко это проявилось на этапе «расширения нэпа». Кулачество стремилось создать «единый фронт» в союзе с середняком, привлекая также экономически зависимых бедняков (с помощью скрытой аренды земли, семенных и денежных ссуд).

Принятие и декларирование рыночных методов хозяйствования не означало сиюминутное их внедрение. Рыночные отношения стали проявляться с 1923 г., и это было связано с результатами финансовой реформы и формированием единого хозяйственного пространства страны. Особое место в развитии рынка, в установлении союза рабочего класса и крестьянства отводилось торговле. Частный сектор преобладал в розничной торговле и обеспечивал товарами сельское население страны. По мере расширения рыночных методов, особенно при переходе к денежной форме налогообложения крестьян, частный торговый элемент стал активно перемещаться в хлебозаготовительный сектор, создавая не только экономические, но и политические проблемы [26, ф. 17, оп. 84, д. 904, л. 3, 4].

Немаловажным стимулирующим фактором развития крестьянско-казачьего хозяйства был перевод продналога на денежный эквивалент в 1924 г. Данное решение способствовало росту товарно-

денежных отношений в аграрном секторе. Однако поддержка нерентабельных бедняцких хозяйств в рамках социально-ориентированной политики не способствовала развитию сельского хозяйства. Своеобразный «культ бедности», вызванный лозунгами правящей партии, препятствовал рыночному хозяйству: в его основе были политические и идеологические установки, а не экономическая целесообразность.

В ходе землеустроительных работ на казачьем Юге РСФСР 40 % всего трудового земельного фонда перешло в ведение середняков и бедняков, что негативно сказалось на производительности хозяйства. Индивидуальные хозяйства характеризовались следующими показателями: от 22 % до 34 % хозяйств имели наделы от 6 до 10 дес. земли (это не означало, что они их полностью обрабатывали); 17–19 % хозяйств владели наделами от 4 до 6 дес. Этим хозяйствам принадлежало 22–31 % лошадей и 24–32 % основных сельскохозяйственных орудий [34, ф. 8, оп. 1, д. 14, л. 35]. Урожайность зерновых культур в 1924 г. по сравнению с 1913 г. снизилась на 20–36 % [35, ф. 8, оп. 1, д. 15, л. 26]. Характеристика качественных показателей развития индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств Юга России свидетельствовала об их низкой рентабельности и технической оснащённости.

Партийные органы на местах требовали разрешить применение репрессивных мер против зажиточных слоёв и частных торговцев, вплоть до арестов и принудительной высылки. Но ЦК ВКП(б) направлял директивы в регионы, запрещавшие использовать внесудебные меры воздействия на держателей хлеба [41, ф. 8, оп. 1, д. 12, л. 7].

С точки зрения активизации крестьянского движения в системе проводимых реформ рост активности зажиточных слоёв станицы, выступавших с лозунгами: «Долой хлебозаготовки», «Давай вольную торговлю хлебом», намечается в 1924 г. [36, ф. 8, оп. 1, д. 17, л. 19–20]. Следует отметить, что такие лозунги сами по себе не должны были провоцировать властные структуры на репрессии. Вместе с тем, в Кубанском округе в период весенней посевной кампании было зарегистрировано 508 выступлений казаков и крестьян против хлебозаготовок и 47 террористических актов [37, ф. 8, оп. 1, д. 22, л. 3].

Особую тревогу у правящей партии вызывало желание крестьян создать общественную или политическую крестьянскую организацию. Идея «крестьянских союзов» получила поддержку и в РККА. Политические сводки органов ОГПУ указывали на активность в РККА представителей кулацких элементов. Так, в 69-м кавалерийском полку, дислоцированном в Донском округе, подпольная группа разработала проект документа о создании «крестьянского союза», который даже предусматривал уплату членских взносов в размере 2 руб. 50 коп. [40, ф. 17, оп. 84, д. 916, л. 49]. Этот процесс активизировался осенью 1924 г. вследствие отмены итогов выборов в местные Советы. Перевыборы в Советы вызывали, по мнению местных партийных руководителей (об этом свидетельствовали политические отчёты органов ОГПУ), рост общественной активности имущих слоёв деревни. Крестьянские и казачьи массы рассматривали эти события как проявление слабости Советской власти и переходили от экономических требований к политическим. Это отмечали и сторонники большевиков в крестьянско-казачьей массе, указывая на тактические ошибки, допускаемые, по их мнению, руководством страны при проведении аграрных реформ. Негативно воспринималась «кадровая помощь города», т. к. большинство рабочих, прибывших в деревню, не имело опыта работы в сельском хозяйстве. Признавая необходимость «приучить» крестьян к коллективному труду, бедняки и середняки не отрицали, что привыкли работать «под управлением» помещика и воспринимали председателя сельсовета именно в этом качестве [32, ф. 17, оп. 84, д. 1023, л. 41, 42].

В результате оценки общественно значимых событий в советской деревне в структурах ОГПУ было создано два документа, которые положили начало наблюдению и анализу за политическими настроениями крестьянства и казачества, которые активно стали требовать защиты своих политических и экономических интересов и прав. Такая активность проявлялась в ходе собраний, в письмах и обращениях в органы государственной власти и высшие партийные органы, где высказывалась идея создания «Крестьянского союза», союза хлеборобов. Однако правящая партия большевиков расценивала создание общественной или политической организации крестьянства как фактор конфронтации города и деревни, следовательно, это несло угрозу диктатуре пролетариата как основе власти РКП(б).

Большевики помнили события «малой» гражданской войны начала 1920-х гг., поэтому вынужденно шли на компромисс с крестьянством и казачеством в рамках политики «Лицом к деревне». На Юге России в период реализации политики «Лицом к казачеству» это проявлялось в мероприятиях по «оказыванию» Советов. В ходе выборов большевикам удалось существенно повысить количество

представителей казачества в этих органах власти. В 1924 г., по итогам перевыборов, в станичные Советы Донского округа было избрано 27,75 % депутатов-казаков, а председателей станичных Советов — 22,46 % [43, с. 31]. По итогам выборов в Кубанском округе число беспартийных депутатов увеличилось в два раза. Это была попытка заключения долгосрочного союза власти с трудовым крестьянством и казачеством, что расширило бы социальную базу и могло бы обеспечить достижение целей реформ.

Дальнейшее развитие НЭПа отмечено скрытыми и открытыми формами конфликта власти и общества, не приводившими до 1928 г. к открытому гражданскому противостоянию. Правящая партия не отказывалась от своих политических и идеологических целей и стремилась сохранить монополию на власть. Это обусловило противоречивость НЭПа и начало её свертывания. Взятый ВКП(б) курс на коллективизацию ознаменовал собой кардинальное изменение политики по отношению к крестьянству и казачеству, которые были главными действующими лицами в системе реформ. НЭП в сельском хозяйстве как рыночный механизм не решила своей главной задачи — повышения товарности и производительности труда, развития торговых отношений станицы с городом. Крестьянско-казачье хозяйство, достигнув довоенных показателей, решив проблемы личного потребления, не смогло обеспечить источники накопления для промышленности. В противостоянии плановых и рыночных механизмов в системе новой экономической политики рынок уступил. НЭП была возможностью рыночной модернизации всего комплекса социально-экономических и общественных отношений, которая не была реализован из-за идеологических установок большевистской партии.

В политической системе во второй половине 1920-х гг. наметился явный крен в сторону ужесточения и контроля со стороны правящей партии. Инструкция о выборах в Советы 1926 г. содержала положения, свидетельствующие о начале активной фазы монополизации власти большевиками. Они реализовывали ограничительные меры по отношению к нэпманам и зажиточному крестьянству, которые, по их мнению, могли составить оппозицию. Выраженных ограничений в предыдущей инструкции 1925 г. не было, что означает резкий поворот к прекращению курса «оживления советов».

Неразвитость рыночных методов хозяйствования, администрирование, отсутствие политических гарантий для предпринимателей города и деревни определили судьбу НЭПа. Все ресурсы народного хозяйства находились в состоянии максимального напряжения, стимулы рыночного развития утрачивались. НЭП постепенно заходила в тупик вследствие политики большевиков, усугублявшейся внутрипартийной борьбой за власть.

В аграрном секторе экономики главным действующим лицом выступали зажиточные хозяйства, которые активно использовали аренду земли, наём рабочей силы, вели активную торговую и производственную деятельность. На казачьем Юге России зажиточные хозяйства арендовали мельницы, маслобойни, владели торговыми заведениями, предоставляли товарную или денежную ссуду малоимущим хлеборобам.

К середине 1920-х гг. был восстановлен ряд существенных показателей сельского хозяйства страны. Валовая продукция сельского хозяйства в 1924 г. составляла 90 % от уровня 1913 г., а в 1925 г. посевная площадь в стране составила 99,3 % от уровня 1913 г. Сбор зерновых культур достиг около 4,5 млрд. пудов и был на 11 % выше среднегодовых сборов пяти предвоенных лет (1914 г.). Государство активно, в меру своих возможностей, поддерживало процесс роста коллективных советских хозяйств. Общее количество крестьянских хозяйств, вовлечённых в колхозы, возросло с 445 тыс. в 1927/28 хозяйственном году до 1040 тыс. в 1928/29 хозяйственном году [37, с. 501]. Одновременно правительство инициировало полномасштабные кампании против нэпманов, в т. ч. в Москве, завершившиеся принудительной высылкой «социально опасных элементов». ВКП(б) демонстрировала уверенность в ликвидации частной инициативы и перехода к ускоренной социалистической модернизации.

Содержание проводимых реформ противоречило друг другу: с одной стороны, земельные мероприятия, основанные на принципах равенства, а с другой — внедрение рыночных механизмов. Особенно пагубно на развитие товарности сказались последствия землеустроительных работ, приведших к росту числа середняцких хозяйств. По состоянию на 1927 г. в СССР число крестьянских хозяйств достигло максимума. Но только 15,2 % из них имели те или иные улучшенные сельскохозяйственные орудия труда [4, с. 81–83]. Возможность расширенного накопления при таких условиях была чрезвычайно сложной, такое могли позволить себе наиболее зажиточные хозяйства.

«Архаизация» проявилась в резком падении производительности труда, низкой технической оснащённости крестьянских хозяйств: 40 % сельскохозяйственных орудий составляли деревянные сохи, а 30 % крестьянских хозяйств не имели тягловой силы. Она выражалась в замкнутости крестьян-

янского общества и демонстрации возврата к натуральному хозяйству. В 1926–1927 гг. крестьяне Советской России потребляли 85 % собственной продукции. На Юге России этот показатель достигал 80 %. Такого уровня натурализации крестьянско-казачьего хозяйства на Юге России не было даже в годы Первой мировой войны.

Показатели состояния сельского хозяйства Кубанского округа и Донской области во второй половине 1920-х гг. свидетельствовали о наличии стагнации в аграрном секторе экономики и низкой производительности труда. Основные показатели развития сельского хозяйства Кубани и Дона в 1924 г. уступали контрольным цифрам 1916 г. Большая часть казачьих хозяйств оставалась натурально-потребительской. Одно крестьянско-казачье хозяйство в течение года приобретало промышленных товаров на 28 руб. «Культурники» составляли незначительную прослойку хозяйствующих субъектов, отвечавших условиям рыночной экономики. Они получали государственную поддержку, предпринимали меры по распространению опыта своей производственной деятельности. Использовались такие формы, как сельскохозяйственные выставки и ярмарки. На территории Северо-Кавказского края в 1924 г. было создано 629 показательных полей и участков [39, с. 19]. Но этих мер было недостаточно для качественного повышения продуктивности сельского хозяйства.

Аграрный сектор экономики южнороссийской станицы не мог обеспечить занятость всей рабочей силы, что спровоцировало рост социальной напряжённости, основанный в большей степени на имущественном неравенстве, чем на сословных противоречиях. Это отрицательно сказывалось на общем уровне развитии крестьянско-казачьего хозяйства и провоцировало властные структуры на игнорирование рыночных законов и перехода к административным методам руководства.

Дефицит товаров и заниженные закупочные цены на сельхозпродукцию делали труд крестьянина и казака нерентабельным, а продукцию неконкурентной. Зерно как основной продукт для продажи стал в большой мере использоваться для внутрихозяйственного потребления. Такое поведение крестьян объяснялось и опытом «военного коммунизма», но следует отметить, что на Юге России, в отличие от других регионов, политика «военного коммунизма» не получила широкого распространения.

Во второй половине 1920-х гг. наблюдалось снижение товарности индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства. Это было связано и с экономическими мерами государства, и с политикой «ограничения кулачества», что снижало заинтересованность хлеборобов в продаже урожая. В итоге, нарастало напряжение между властями и крестьянами, особенно в период сбора продовольственного налога.

Во второй половине 1920-х гг. на Юге страны отмечается серьёзное уменьшение площадей, занятых под зерновые культуры. В 1913 г. на Кубани под зерновые культуры было занято до 88,8 % сельскохозяйственных площадей, а в 1928 г. — лишь 56 %, урожайность пшеницы снизилась в два раза [38, ф. 8, оп. 1, д. 114, л. 51]. В аграрном секторе экономики не было стабильности, гарантирующей устойчивый рост урожайности зерновых культур. Низкий уровень производительности индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств провоцировал цикличные кризисы в 1921–1929 гг. Государство пыталось инициировать приобретение сложной сельскохозяйственной техники, разрешая, таким образом, проблему низкой производительности труда. Приобрести сложную сельскохозяйственную технику в рыночных условиях без помощи государства могли только зажиточные хлеборобы. Основная масса нуждалась в государственной поддержке.

Мы можем рассмотреть на примере Кубанского округа динамику развития сельского хозяйства во второй половине 1920-х гг. Следует учитывать, что сельское хозяйство региона за 1914–1920 гг. пострадало в меньшей степени, чем в центрально-черноземной полосе России. Динамика валовой продукции и товарной её части за период с 1926 по 1928–1929 гг. демонстрировала устойчивый спад по 15 % в год. Товарные излишки в кубанской станице за три года сократились на 51 % [28, ф. 8, оп. 1, д. 551, л. 2]. В целом по Северо-Кавказскому краю хозяйств без инвентаря оставалось 41 %, безлошадных 48,4 %, а без инвентаря и тягловой силы — 36 %. Только 23,4 % хозяйств могли самостоятельно развивать производство [42, ф. 8, оп. 1, д. 452, л. 93]. Резкое падение товарности зерновых объёмов объяснялось слабой технической оснащённостью, низким уровнем организации и ведения хозяйства. В итоге, налицо системный кризис сельского хозяйства из-за его технической отсталости и отсутствия экономических, финансовых возможностей развития.

Одним из показателей снижения экономической активности стало уменьшение числа наёмных сельскохозяйственных рабочих, активно использовавшихся в зернопроизводящих регионах страны. Так, в Кубанском округе в 1927–1928 гг. количество хозяйств, применявших наёмную рабочую силу,

сократилось с 1037 до 361. В Усть-Лабинском районе, одном из ведущих производителей зерновых культур, количество хозяйств, использующих наёмную рабочую силу, сократилось на 70 %, а количество безработных в сельской местности увеличилось в два раза. С другой стороны, явно проявлялась тенденция отказа части казаков и крестьян от земельных участков, полученных в ходе землеустройства. Таких фактов в Кубанском округе не было до 1927 г. Начиная с 1928 г., они учащаются, что вызвало обеспокоенность руководства региона.

В декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б), который стал отправной точкой реформ советской экономики, преодолевшей к этому времени глубокий кризис. Но принятие решений о коллективизации и директив по пятилетнему плану ещё не означало полного слома НЭПа. Правящая партия не имела детальной программы выполнения намеченных задач, но нараставший хлебозаготовительный кризис 1927 г. («кулацкие забастовки») ускорил переход к директивному регулированию экономики. В конце декабря 1927 г. Политбюро ЦК приняло решение о применении чрезвычайных мер хлебозаготовок, используя их для ускоренной коллективизации и получения ресурсов на нужды индустриализации страны.

Реализация этих планов происходила на фоне острого экономического кризиса в стране, нарастающего сопротивления крестьянства и казачества. Хронический кризис в отношениях с хлеботорговцами, при том, что это был не первый в годы НЭПа политический кризис во внутривластной борьбе за лидерство, свидетельствовал о том, что НЭП исчерпала себя. Назревал масштабный общественный кризис, который требовал очередного качественного изменения вектора проводимых реформ.

Советское правительство в июне 1928 г. вынуждено было закупить в Европе 9 млн. пудов пшеницы. Модернизация экономики в условиях НЭПа демонстрировала недостатки и ограниченный потенциал реформ, что окончательно спровоцировало руководящую элиту на изменение методов хозяйствования и признание невозможности преодолеть кризис посредством развития рыночных отношений. Правящая партия воспринимала индивидуальное крестьянско-казачье хозяйство как источник получения средств для индустриализации и продолжала активно реализовывать свой лозунг — «опора на бедноту, прочный союз с середняком, беспощадная борьба с кулачеством» [28, ф. 8, оп. 1, д. 10, л. 47].

Переход от НЭПа к конфискационной политике (1928–1929 гг.) протекал ускоренно, что вызывало недовольство со стороны сельского населения вне зависимости от его материального положения. Большая часть хлеборобов была не согласна с уровнем налогов и формами, методами их изъятия.

Отсутствие стабильной, целостной государственной политики в области частного предпринимательства, поддержки в развитии индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства не позволило в полной мере реализовать потенциал НЭПа. Незавершённость данного этапа российской рыночной модернизации была следствием идеологических установок правящей партии, которая в наименьшей степени руководствовалась принципами экономической целесообразности. Большевики в некоторой степени «торопились» реализовать свои установки и цели революции, пренебрегая нормами права, формируя особые методы хозяйствования, выразившиеся в создании административно-командной системы.

К концу 1923 г. сложилась система смешанных экономических форм. Государство оставляло за собой командные высоты в экономике, ведущих её отраслях, в первую очередь на транспорте, и монополию во внешней торговле. Частный капитал продолжал доминировать в торговле, арендном сегменте промышленности и сельского хозяйства. Именно в существовании мелкокрестьянского хозяйства большевики видели угрозу капиталистической реставрации, поэтому НЭП в деревне носила не системный характер и не получила устойчивой концепции. Большевики не гарантировали защиту индивидуальному крестьянско-казачьему хозяйству как активному участнику рыночных отношений.

Правящая партия искала иные возможности развития экономики страны. Большевики приступили к реализации промышленной индустриализации, что нашло отражение в решениях XIV съезда РКП(б) (1925 г.) и апрельского пленума 1925 г. Рыночная система во второй половине 1920-х гг. стала преднамеренно разрушаться. С весны 1926 г. намечился поворот в аграрной политике большевиков. Они определились с курсом на социалистическую реконструкцию народного хозяйства и активизировали сбор сельскохозяйственного налога как одного из главных источников курса на индустриализацию. Государство повысило шкалу прогрессивного налогообложения, что существенным образом сказалось на экономическом положении крестьянско-казачьих хозяйств, которые в первой половине 1920-х гг. восстановили свой потенциал и демонстрировали тенденцию к росту, но в основном в слое зажиточных хозяйств. Аграрный сектор экономики оставался единственным, но не всегда надёжным источником инвестиций в промышленную индустриализацию.

До середины 1920-х гг. экономическая реформа углублялась и расширялась, демонстрируя смягчение политического режима. Правящая партия проявляла инициативу по установлению диалога с крестьянством и казачеством, инициировала смягчение налогового бремени. Значительную роль сыграл так наз. рыковский продналог (1925–1926 гг.), который позволял снизить платежи до 70 % по сравнению с 1925 г. Это должно было стимулировать расширение сельскохозяйственного производства, увеличить вложения в развитие индивидуального хозяйства, повысить рентабельность производства, его товарность. Однако наличие внутренних противоречий в НЭПе не позволило продолжить реформы. «Восстановительный эффект» советской доколхозной деревни завершился к середине 1920-х гг. Крестьянско-казачьи хозяйства исчерпали свои производственные и финансовые возможности роста.

Конфликтные ситуации во взаимоотношениях СССР с Англией и Китаем (1927 г.) послужили дополнительным фактором в необходимости начала ускоренной плановой модернизации. Внешнеполитический фактор был использован для применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок. Наиболее заметным потрясением для общества стала апробация в декабре 1927 — январе 1928 гг. в Сибири системы репрессий в ходе хлебозаготовок. Правовое обоснование этому было изложено в директиве ЦК ВКП(б) от 5 января 1928 г. «Хлебная стачка» рассматривалась партийной элитой как сознательный саботаж со стороны кулаков, которые рассчитывали на повышение закупочных цен. Призыв руководства страны активно использовать против кулаков «чрезвычайные меры» с использованием ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР не оставлял возможностей для сохранения НЭПа.

Дискуссия на апрельском (1928 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) была проявлением двух основных подходов в развитии реформ: реализации модернизационного проекта с активным использованием частной инициативы, с одной стороны, а с другой — социалистического строительства с доминированием государственной плановой экономики. Каждый из названных векторов имел конкретное наполнение. Решения XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) предполагали продолжение НЭПа, и в основе проекта первого пятилетнего плана сохранялась идея рыночной экономики. Сохранялось понимание того, что НЭП надолго, но этому противоречили идеологические догмы правящей партии.

Стратегия рыночного развития в 1920-х гг. была ограниченно реализована в ходе восстановления экономики, но по мере реализации поставленных задач возникала необходимость индустриальной модернизации, которую НЭП не могла обеспечить в короткий период времени при наличии политической монополии РКП(б). Критическое влияние на развитие российской экономики и ход реформ оказывали незавершённые реформы дореволюционного периода. Восстановительный эффект в сельском хозяйстве, завершившись к середине 1920-х гг., продемонстрировал ограниченный потенциал индивидуальных крестьянско-казачьих хозяйств. Уровень технического состояния материальной базы и финансовый потенциал аграрного сектора экономики не мог обеспечить ускоренное развитие страны.

В 1920-х гг. существенной трансформации регионального экономического пространства не произошло. В период НЭПа именно на региональном уровне проявилась ограниченность рыночных механизмов, тормозившая модернизацию нэповской модели экономики. Южнороссийская станица в 1920-е гг. со своим традиционным аграрным укладом прошла путь восстановления и одновременно роста натурализации производства. Индивидуальные крестьянско-казачьи хозяйства не смогли стать активным действующим субъектом рыночных отношений. Легализация свободной торговли и, следовательно, рост торговых предприятий демонстрировали модернизационные изменения в данной сфере, которые подвергались активному администрированию со стороны советских органов. Наличие жёсткого государственного контроля всех составляющих экономического пространства, ограничительные меры в отношении частного сектора при односторонней поддержке государственно-кооперативного сектора нарушали систему хозяйственных связей и сдерживали слабые возможности рыночной модернизации.

Регулярные экономические кризисы, нерешённость вопроса о ресурсах модернизации промышленности привели к свёртыванию НЭПа. К 1929 г. наступил новый этап в развитии СССР, основанный на государственной целевой плановой экономике. НЭП была реализована в короткий исторический период и не смогла продемонстрировать свой экономический потенциал, в силу политических обстоятельств была свёрнута средствами административного воздействия.

Роль государства в экономических и социальных реформах 1921–1929 гг. возрастала по мере нарастания кризиса НЭПа и необходимости развития военно-промышленного комплекса, который мог стать «локомотивом» строительства социализма. Это стало последствием не только разруши-

тельных войн 1914–1922 гг., в которых Россия понесла значительные материальные и людские потери, но и итогом сложной противоречивой истории России. Отличительной чертой советской модернизации стала её революционность в отличие от дореволюционного периода, когда использовалась стратегия постепенных реформ, позволявшая сохранить в обществе согласие и последовательность в политике реформаторов. Советское общество в период НЭПа не имело таких возможностей. Кризис хлебозаготовок в 1925 и 1927–1928 гг. на фоне нарастающей «военной тревоги» стал катализатором, который привёл к социально-политическому и экономическому кризису, а впоследствии — к насильственному свертыванию НЭПа и форсированному строительству социализма посредством индустриализации и коллективизации. Такой выбор обусловлен выбором нового, эффективного (без учёта средств и методов реализации) пути модернизации российской экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтерева Л. Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2010. Вып. 1. С. 57–64.
2. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. 542 с.
3. Бершадская О. В. Черноморская деревня в условиях НЭПа: социально-экономический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
4. Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: РГ-Прогресс, 2019. 768 с.
5. Верт Н. В. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
6. Виноградов С. В. Начальный период новой экономической политики: теоретические дискуссии и практические результаты (март — декабрь 1921 г.) // Вестн. Калм. ун-та. Элиста, 2016. № 2 (30). С. 24–31.
7. Воронов И. Е. Отношение крестьянства к новой экономической политике и методам ее осуществления (по материалам Владимирской, Калужской и Рязанской губерний за 1921–1927 гг.) // Из истории России: идеи, суждения, опыт: сб. науч. ст. Рязань, 1993. С. 85–93.
8. Воскобойников Г. Л., Батырев В. Д. Советская власть и казачество (1921 — июнь 1941). М.: Принт, 2003. 196 с.
9. Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. 503 с.
10. Гимпельсон Е. Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина — Сталина: проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). М.: Собрание, 2004. 303 с.
11. Данилов В. П. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М.: Наука, 1974. С. 58–79.
12. Дмитренко В. П. Четыре измерения нэпа // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 125–132.
13. Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в середине 20-х годов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 200 с.
14. Иванов В. В. Советское государство и крестьянство в 1920–1927 гг.: опыт взаимовлияния (на материалах Приангарья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2017. 23 с.
15. Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях НЭПа. 1921–1927 гг.). Новосибирск: Наука, 1992. 222 с.
16. Каторгин И. И. Исторический опыт КПСС по осуществлению новой экономической политики (1921–1925 гг.). М.: Мысль, 1971. 432 с.
17. Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х годов. На материалах Кубано-Черноморья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 18 с.
18. Левин А. Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. М.: Экономика, 1967. 166 с.
19. Ленин В. И. О кооперации // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1978. Т. 45. С. 369–377.
20. Материалы окрторга к докладу на V пленума Кубокружка ВКП(б) и ОПКК о хлебозаготовках 1929 г. // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК).
21. Матюгин А. А., Чугаев Д. А. СССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 200 с.
22. Мау В. А. Государство и экономика: опыт экономических реформ. М.: «Дело» РАНХиГС, 2017. 624 с.
23. На новых путях. Итоги новой экономической политики 1921–1922 гг. В 5 вып. / под ред. В. П. Милютина, А. М. Лежавы, С. Г. Струмилина и др. М.: Изд-во Совета труда и обороны, 1923. Вып. 1. 423 с.
24. Никулин В. В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб.: Нестор, 1997. 193 с.
25. Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории / ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1974. 360 с.
26. О роте частной торговли. О состоянии сельскохозяйственной аренды, 1925 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
27. Осколкова Э. Д. Проблемы методологии и историографии ленинской концепции нэпа. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1981. 192 с.

28. Отчёт Кубанского окружкома ЦК ВКП(б) 1928 // ЦДНИ КК.
29. Павлюченков С. А., Аманжолова Д. А., Булдаков В. П. Россия нэповская. М.: Новый хронограф. 2002. 468 с.
30. Панкова-Козочкина Т. В., Бондарев В. А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск: Лик, 2012. 266 с.
31. Перехов Я. А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д: Гефест, 1997. 137 с.
32. Письма и заявления крестьян руководителям партии и правительства и другие материалы о положении в деревне, январь 1925 г. // РГАСПИ.
33. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1925–1953. М.: Изд-во полит. лит., 1953, 1204 с.
34. Протокол заседаний пленумов Кубанского окружного комитета РКП(б) 17.07.1924 г. // ЦДНИ КК.
35. Протокол заседаний пленумов Кубанского окружного комитета РКП(б) (продолжение) 17.07.1924 г. // ЦДНИ КК.
36. Протокол заседания бюро Кубанского окружного комитета РКП(б) (продолжение) 1–28 июля 1924 г. // ЦДНИ КК.
37. Протокол кооперативного совещания при Кубанском окружном комитете РКП(б) 1924 г. // ЦДНИ КК.
38. Протокол заседания комиссии при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) по вопросу о районировании 12.12.1924 г. // ЦДНИ КК.
39. Савельев В. А. Эволюция хозяйственных представлений крестьянства и казачества на Дону и Кубани в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2009. 26 с.
40. Сводки Информотдела ЦК РКП(б) и ОГПУ с материалами о политическом и экономическом расслоении деревни о проявлениях антикоммунизма крестьянством рабочим классом, о крестьянском союзе, май 1925 г. // РГАСПИ.
41. Стенограмма 1-й Кубанской окружной конференции РКП(б) 15.07.1924 г. // ЦДНИ КК.
42. Телеграммы в Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 1928 г. // ЦДНИ КК.
43. Тикиджьян Р. Г. Новая экономическая политика советского государства и проблема представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. 2011. № 1 (19). С. 18–24.
44. Шепелева В. Б. НЭП, Сталинизм и советская катастрофа: коллизии современной историографии // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 102–108.

Поступила в редакцию 18.01.2020

Яхутль Юрий Асланбиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
 ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
 E-mail: a075ca@yandex.ru

Yu. A. Yakhutl

**NEP MODEL OF MODERNIZATION: ON THE ISSUE OF OPPORTUNITIES AND PROBLEMS
 (ON THE EXAMPLE OF PEASANT-COSSACK FARMS IN THE SOUTH OF RUSSIA)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-43-55

The article is devoted to a new economic policy (1921–1929) in the context of interrupted market modernization in the history of Russia and the beginning of a state-planned modernization (end of the 1920s – 1950s). The determining factor in the system of spending reforms of the 1920-s was the level of development of market relations in the agrarian sector of the NEP economy, which was largely determined by the degree of activity of the state and peasant-cossack farms, which capable of implementing food, land and tax policies. One of the conditions for the successful completion of the initiated reforms was the creation of its social base – support of reforms by political allies in the city and the village. It should be noted that the reforms of the 1920-s had their own regional characteristics. Thus, the new economic policy in the south of Russia has acquired lineaments due to special forms of land use, estate relations, and a hidden policy of decossackization by the Bolsheviks. By the mid-1920-s agriculture, as the main branch of the Russian economy, having exhausted its restoration potential, did not have the opportunity to develop independently without financial and organizational assistance from the state, while remaining the main source of socialist accumulation. The formation of new economic relations within the framework of the reforms of 1921–1929 became another attempt in the history of modernization of Russia, including the agricultural sector of the economy, which were forcibly completed by the ruling party through total collectivization.

Keywords: revolution, NEP, modernization, peasant-Cossack farm, ruling party, bolsheviks, Soviets.

REFERENCES

1. *Bekhtereva L. N.* Problemy novoj ekonomicheskoj politiki 1920-h godov v sovremennoj otechestvennoj istoriografii [Problems of the new economic policy of the 1920s in modern Russian historiography]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2010, issue 1, pp. 57–64. (In Russian).
2. *Buharin N. I.* Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, “Ekonomika” Publ., 1990, 542 p. (In Russian).
3. *Bershadskaya O. V.* Chernomorskaya derevnya v usloviyah NEPa: social’no-ekonomicheskiy aspekt [The Black Sea village in the conditions of the NEP: the socio-economic aspect]. Avtoref. dis... kand. ist. Nauk [Dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. Krasnodar [n. a.], 2007, 26 p. (In Russian).
4. *Vdovin A. I.* SSSR. Istoriya velikoj derzhavy (1922–1991 gg.). [USSR. History of the great power (1922–1991)]. Moscow, “RG-Progress” Publ., 2019, 768 p. (In Russian).
5. *Vert N. V.* Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet state. 1900–1991]. Moscow, “Progress”; “Progress-Akademiya” Publ., 1992, 480 p. (In Russian).
6. *Vinogradov S. V.* Nachal’nyj period novoj ekonomicheskoj politiki: teoreticheskie diskussii i prakticheskie rezul’taty (mart – dekabr’ 1921 g.) [The initial period of the new economic policy: theoretical discussions and practical results (March – December 1921)]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], 2016, no. 2 (30), pp. 24–31. (In Russian).
7. *Voronov I. E.* Otnoshenie krest’yanstva k novoj ekonomicheskoj politike i metodam ee osushchestvleniya (po materialam Vladimirskoj, Kaluzhskoj i Ryazanskoj gubernij za 1921–1927 gg.) [The attitude of the peasantry to the new economic policy and methods of its implementation (based on the materials of the Vladimir, Kaluga and Ryazan provinces for 1921–1927)]. *Iz istorii Rossii: idei, suzhdeniya, opyt: sb. nauchn. statej* [From the history of Russia: ideas, judgments, experience: a collection of scientific articles]. Ryazan, 1993, pp. 85–93. (In Russian).
8. *Voskobojnikov G. L., Batyrev V. D.* Sovetskaya vlast’ i kazachestvo (1921 – iyun’ 1941) [The Soviet government and the Cossacks (1921 – June 1941)]. Moscow, “OOO Print” Publ., 2003, 196 p. (In Russian).
9. *Genkina E. B.* Perehod Sovetskogo gosudarstva k novoj ekonomicheskoj politike (1921–1922) [The transition of the Soviet state to a new economic policy (1921–1922)]. Moscow, “Gospolitizdat” Publ., 1954, 503 p. (In Russian).
10. *Gimpel’son E. G.* NEP. Novaya ekonomicheskaya politika Lenina – Stalina: problemy i uroki (20s gg. XX v.) [NEP. The new economic policy of Lenin-Stalin: problems and lessons (20 years of the twentieth century.)]. Moscow, “Sobranie” Publ., 2004, 303 p. (In Russian).
11. *Danilov V. P.* Social’no-ekonomicheskie układy d sovetskoj dokolhoznoj derevne [Socio-economic structures in the Soviet pre-collective farm village]. *Novaya ekonomicheskaya politika. Voprosy teorii i istorii* [New Economic Policy. Questions of theory and history]. Moscow, “Nauka” Publ., 1974, pp. 58–79. (In Russian).
12. *Dmitrenko V. P.* Chetyre izmereniya nepa [Four dimensions of the NEP]. *Voprosy istorii KPSS* [Questions of the history of the CPSU], 1991, no. 3, pp. 125–132. (In Russian).
13. *Zhiromskaya V. B.* Posle revolyucionnyh bur’: naselenie Rossii v seredine 20-h godov [After the revolutionary storms: the population of Russia in the mid-20s]. Moscow; Berlin, “Direkt-Media” Publ., 2019, 200 p. (In Russian).
14. *Ivanov V. V.* Sovetskoe gosudarstvo i krest’yanstvo v 1920–1927 gg.: opyt vzaimovliyaniya (na materialah Priangar’ya) [The Soviet state and the peasantry in 1920–1927: the experience of mutual influence (on the materials of the Angara region)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. Irkutsk [n. a.], 2017, 23 p. (In Russian).
15. *Il’inyh V. A.* Kommerciya na hlebnom fronte (Gosudarstvennoe regulirovanie hlebnogo rynka v usloviyah NEPa. 1921–1927 gg.) [Commerce on the grain front (State regulation the grain market in the conditions of NEP. 1921–1927)]. Novosibirsk, “Nauka” Publ., 1992, 222 p. (In Russian).
16. *Katorgin I. I.* Istoricheskij opyt KPSS po osushchestvleniyu novoj ekonomicheskoj politiki (1921–1925) [The historical experience of the CPSU in implementing the new economic policy (1921–1925)]. Moscow, “Mysl” Publ., 1971. 432 p. (In Russian).
17. *Korchagin D. M.* Sovetskie izbiratel’nye kampanii 1920-h godov. Na materialah Kubano-CHernomor’ya [Soviet election campaigns of the 1920s. On the materials of the Kuban-black sea region]. Avtoref. dis... kand. ist. nauk [Dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. Moscow [n. a.], 2003, 18 p. (In Russian).
18. *Levin A. Ya.* Social’no-ekonomicheskie układy v SSSR v period perehoda ot kapitalizma k socializmu [Socio-economic systems in the USSR during the transition from capitalism to socialism]. Moscow, “Economics” Publ., 1967, 166 p. (In Russian).
19. *Lenin V. I.* O kooperacii [On cooperation]. *Poln. sobr. soch.* [Full composition of writings]. Moscow, “Izd-vo politicheskoy literatury” Publ., 1978, vol. 45, pp. 369–377. (In Russian).
20. Materialy okrtorga k dokladu na V plenuma Kubokruzhkoma VKP(b) i OPKK o hlebozagotovkah. 1929 g. [Materials okrtorga to the report on the V Plenum of the Cup Committee of the CPSU (b) and opkk on grain procurement in 1929]. Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraya (CDNI KK) [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).

21. *Matyugin A. A., Chugaev D. A.* SSSR v period perehoda na mirnuju rabotu po vosstanovleniyu narodnogo hozyajstva [USSR during the transition to peaceful work to restore the national economy (1921–1925)]. Moscow, Moscow State University Press, 1952, 200 p. (In Russian).
22. *Mau V. A.* Gosudarstvo i ekonomika: opyt ekonomicheskikh reform [State and economy: experience of economic reforms]. Moscow, “Delo” RANHiGS Publ., 2017, 624 p. (In Russian).
23. Na novyih putyah. Itogi novej ekonomicheskoy politiki 1921–1922 gg. V 5 vyip. [On new ways. Results of the new economic policy of 1921–1922 In 5 vol.] / ed. by V.P. Milyutin, A.M. Lezhava, S.G. Strumilin et al. Moscow: Publ. House of the Council of Labor and Defense, 1923, issue 1, 423 p. (In Russian).
24. *Nikulin V. V.* Vlast' i obshchestvo v 20-e gody. Politicheskij rezhim v period nepa. Stanovlenie i funkcionirovanie (1921–1929 gg.) [Power and society in the 20s. Political regime during the NEP period. Formation and functioning (1921–1929)]. Saint-Petersburg, “Nestor” Publ., 1997, 193 p. (In Russian).
25. Novaya ekonomicheskaya politika. Voprosy teorii i istorii [New economic policy. Questions of theory and history] / ed. by Yu.A. Polyakov. Moscow, “Nauka” Publ., 1974, 360 p. (In Russian).
26. O roste chastnoj trgovli. O sostoyanii sel'skohozyajstvennoj arendy, 1925 g. [On the growth of private trade. On the state of agricultural leases, 1925]. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI). [Russian state archive of socio-political history]. (in Russian, unpublished).
27. *Oskolkova E. D.* Problemy metodologii i istoriografii leninskoj koncepcii nepa [Problems of methodology and historiography of the Lenin's concept of NEP]. Rostov-on-Don, Rostov University Press, 1981, 192 p. (In Russian).
28. Otchyot Kubanskogo okruzhkoma v CK VKP(b) 1928 [Report of the Kuban district Committee of the Central Committee of the CPSU(b) 1928]. CDNI KK [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).
29. *Pavlyuchenkov S. A., Amanzholova D. A., Buldakov V. P.* Rossiya nepovskaya [NEP Russia]. Moscow, “New chronograph” Publ., 2002, 468 p. (In Russian).
30. *Pankova-Kozochkina T. V., Bondarev V. A.* Kazach'e-krest'yanskoe hozyajstvo epohi nepa: problemy modernizatsii agrarnykh otnoshenij na Yuge Rossii [Cossack-peasant economy of the NEP era: problems of modernization of agrarian relations in the South of Russia]. Novocherkassk, “Lik” Publ., 2012, 266 p. (In Russian).
31. *Perekhov Ya. A.* Vlast' i kazachestvo: poisk soglasiya [Power and Cossacks: the search for consent]. Rostov-on-Don, “Gefest” Publ., 1997, 137 p. (In Russian).
32. Pis'ma i zayavleniya krest'yan rukovoditel'yam partii i pravitel'stva, i drugie materialy o polozhenii v derevne, yanvar' 1925 g. [Letters and statements of peasants to the leaders of the party and government, and other materials on the situation in the village, January 1925]. RGASPI [Russian state archive of socio-political history]. (in Russian, unpublished).
33. Plenum CK VKP(b) 10–17 noyabrya 1929 g. [Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) 10–17 November 1929]. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah s'ezdov, konferencij i plenumov CK. Chast' II. 1925–1953. Moscow, “Izd-vo politicheskoy literatury” Publ., 1953, 1204 p. (In Russian).
34. Protokol zasedanij plenumov Kubanskogo okruzhnogo komiteta RKP(b) 17.07.1924 g. [Minutes of plenary sessions of the Kuban district Committee of the RCP(b) 17.07.1924]. CDNI KK [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).
35. Protokol zasedanij plenumov Kubanskogo okruzhnogo komiteta RKP(b) (prodolzhenie) 17.07.1924 g. [Minutes of plenary sessions of the Kuban district Committee of the RCP (b) (continued) 17.07.1924]. CDNI KK [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).
36. Protokol zasedaniya byuro Kubanskogo okruzhnogo komiteta RKP(b) (prodolzhenie) 1–28 iyulya 1924 g. [Minutes of the meeting of the Bureau of the Kuban district Committee of the RCP (b) (continued) July 1–28, 1924]. CDNI KK [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).
37. Protokol kooperativnogo soveshchaniya pri Kubanskom okruzhnom komitete RKP(b) 1924 g. [Minutes of the cooperative meeting of the Kuban district Committee of the RCP(b) in 1924] CDNI KK [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).
38. Protokol zasedaniya komissii pri krajcome RKP(b) po voprosu o rajonirovanii 12.12.1924 g. [Minutes of the meeting of the Commission under the regional Committee of the RCP (b) on the issue of zoning 12.12.1924]. CDNI KK [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).
39. *Savel'ev V. A.* Evolyuciya hozyajstvennykh predstavlenij krest'yanstva i kazachestva na Donu i Kubani v usloviyah novej ekonomicheskoy politiki (1921–1929 gg.). [Evolution of economic ideas of the peasantry and Cossacks on the don and Kuban in the new economic policy (1921–1929)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. Armavir [n. a.], 2009, 26 p. (In Russian).
40. Svodki Informotdela CK RKP(b) i OGPU s materialami o politicheskom i ekonomicheskom rassloenii derevni o proyavleniyah antikommunizma krest'yanstvom rabochim klassom, o krest'yanskom soyuze, maj 1925 g. [Reports of the information Department of the Central Committee of the RCP(b) and the OGPU with materials about the political and economic stratification of the village about the manifestations of anti-communism by the peasantry of the working class, about the peasant Union, may 1925]. RGASPI [Russian state archive of socio-political history]. (in Russian, unpublished).

41. Stenogramma 1-oj Kubanskoj okružnoj konferencii RKP(b) 15.07.1924 g. [Transcript of the 1st Kuban district conference of the RCP(b) 15.07.1924]. CDNI KK [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).
42. Telegrammy v Severo-Kavkazskij krajkom VKP(b) 1928 g. [Telegrams to the North Caucasus region of the CPSU(b) in 1928]. CDNI KK [Center for documentation of the modern history of the Krasnodar territory]. (in Russian, unpublished).
43. *Tikidzh'yan R. G.* Novaya ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva i problema predstavitel'stva donskih kazakov v organah vlasti i samoupravleniya v 1920-e gody [The new economic policy of the Soviet state and the problem of representation of the don Cossacks in government and self-government in the 1920s]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History], 2011, no. 1 (19), pp. 18–24. (In Russian).
44. *Shepeleva V. B.* NEP, stalinizm i sovetskaya katastrofa: kollizii sovremennoj istoriografii [NEP, Stalinism and the Soviet catastrophe: collisions of modern historiography]. Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Istoricheskie nauki" [Bulletin of the Omsk University. Series "Historical Sciences"], 2018, no. 1 (17), pp. 102–108. (In Russian).

Received 18.01.2020

Yakhtul Yu.A., Candidate of History, Associate Professor at Department of Russian History
Kuban State University
Stavropolskaya st., 149, Krasnodar, Russia, 350040
E-mail: a075ca@yandex.ru